

Из рисунка 2 следует, что в сельской местности у большинства детей встречаются бурятские имена (девочки 59%, мальчики 75%), при этом имена русскоязычные и других национальностей чаще всего характерны для девочек 70%. В городской среде у мальчиков чаще встречаются бурятские имена – 54%, русские имена – 44%, имена других национальностей – 2%. У девочек русские имена – 58%, бурятские имена – 40%, имена других национальностей – 2%.

К самым популярным мужским русским именам относятся Саша (мужественный), Вова (владеющий миром), Сергей (высокий, высокочтимый), Дима (принадлежащий Деметре), Алексей (защитник) и т.д. При этом наиболее распространенным мужским именем, как в городской, так и в сельской среде, является имя Саша. При этом на выбор русских мужских имен оказывает влияние деятельность политиков, артистов, герои известных фильмов и т.д. На выбор русских женских имен в большей степени оказывают влияние имена близких родственников, друзья, либо красивое звучание имени.

На выбор бурятских имен в большей степени влияет религия, зачастую именем нарекает лама (буддийский учитель), рассчитывая его по астрологическому календарю. Многие современные подростки, имея бурятское имя, могут не знать его значение. В ходе анализа бурятских имен мы обнаружили, что распространенным мужским именем является Баир (12), означающее радость, а среди женских имен его производное – Баирма (12). Среди русских имен часто встречается имя Саша: у мальчиков (25), у девочек (17).

Если предположить, что имя оказывает влияние на личность человека, то можно допустить что современные бурятские мальчики в большей степени идентифицируют себя со своим этносом, нежели девочки, при этом на селе идентификация более полная. Лишь в непосредственной связи, встрече, контакте мы обретаем знание чьей-то личности. Никакая внешняя информация не в состоянии выразить неповторимое своеобразие другого человека, дать нам знание его «инаковости». Сколь детально ни пытались бы мы описать его, как бы ни старались передать тончайшие нюансы его внешности, темперамента, характера и другие отличительные черты и свойства, в любом случае наше описание будет соответствовать громадному количеству индивидуумов. Дело в том, что посредством «объективных» формулировок нашего повседневного языка в принципе невозможно исчерпать глубину человеческой уникальности.

Литература

1. Гаджимурадова З.М. Этническое самосознание личности в эпоху интенсификации интеграционных процессов: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2008. – 52 с.
2. Дугарова Т.Ц. Имя собственное в структуре этнического самосознания. – М., 2008.
3. Мухина В.С. Личность: Мифы и реальность (альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – Екатеринбург: Интерфлай, 2007. – С. 1072.

Буянтуева Надежда Дабасамбуевна – аспирант кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). E-mail: dobraya.nadegda@mail.ru

Buyantueva Nadezhda Dabasambuevna – post-graduate of age and pedagogical psychology department of Buryat State University (Ulan-Ude). E-mail: dobraya.nadegda@mail.ru

УДК 323.28

Е.Б. Батуева

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К ТЕРРОРИЗМУ

В статье рассмотрены проблемы отношения к точечному и массовому терроризму определенных видов: государственному, политическому, социальному, этническому и религиозному.

Ключевые слова: терроризм, социально-политический терроризм, религиозно-этнический терроризм, точечный и массовый терроризм, отношение к терроризму, социально-психологические факторы, дистанция между образами «Я», «Борец за справедливость» и «Террорист».

Е.В. Batueva

FEATURES OF THE STUDENTS' ATTITUDE TO TERRORISM

The article is devoted to the problems of attitude towards point and mass terrorism of certain types: public, political, social, ethnic and religious. It can be of use for experts of social psychology, sociology and political science.

Keywords: *terrorism, social-political terrorism, religious and ethnic terrorism, point and mass terrorism, attitude towards terrorism, social-psychological factors, distance between images of «I», «fighter for justice» and «terrorist.»*

Проблема отношения к терроризму сложна тем, что, с одной стороны, отсутствует четкое научное определение понятия «терроризм», с другой – размыты границы между представлениями о террористе и о борце за справедливость. При изучении данной проблемы часто отмечаются «...проблема так называемого “двойного стандарта” [3, с. 25], «двойственная оценка природы терроризма: террорист окружен неким ореолом борца за веру и свободу» [2, с. 43]. Ю.М. Антонян и В.В. Лунев (2005) среди условий способствующих действиям террористов, выделяют одобряющее, поддерживающее отношение к террористам их социального окружения, населения и отдельных групп. Они считают, что без этого националистический и религиозный терроризм не мыслим.

Для дальнейшего исследования отношения к терроризму необходимы анализ и уточнение самого понятия «терроризм». По мнению Д.В. Ольшанского, «терроризм – это обобщенное понятие, обозначающее уже комплексное явление, включающее страх и ужас как цель определенных (террористических) актов и действий, сами акты и действия, их конкретные результаты и весь спектр более широких последствий» [3, 2002, с. 18].

В нашей стране в последние годы появляется все больше публикаций, направленных на анализ политических, юридических, социальных, психологических и других аспектов данного явления. Но влияние личностных, социально-психологических и социально-демографических факторов на отношение к терроризму, а также взаимосвязь этих факторов остается мало изученной. Особую актуальность приобретает изучение отношения не только к основным видам терроризма – государственному, политическому, этническому, религиозному, социальному, но к их подвидам: точечному, направленному на определенного, конкретного представителя (или группу представителей) конкретной религии, нации, государственной или политической организации и диффузному, направленному на население в целом, всю социальную группу или ее часть.

Предметом нашего исследования послужили социально-психологические факторы отношения к терроризму, объектом исследования – студенты московских и улан-удэнских вузов в возрасте от 18 до 24 лет. В основном исследовании приняло участие 190 человек, из них 151 женщина и 39 мужчин. Целью исследования является выявление влияния социально-психологических и социально-демографических факторов на особенности отношения к терроризму.

Общая гипотеза исследования состояла в том, что отношение к терроризму зависит от различных социально-психологических факторов, оказывающих разное влияние на различные виды терроризма.

Частные гипотезы исследования заключались в следующем:

- 1) отношение к терроризму в целом как к явлению отличается от отношения к конкретным видам терроризма, а именно к точечному и диффузному подвидам государственного, политического, социального, этнического, религиозного;
- 2) на разное отношение к терроризму влияет разный комплекс социально-психологических факторов;
- 3) модальность отношения к терроризму зависит от отношения к террористу как субъекту террористической деятельности, степени дифференциации между образами «Я – борец за справедливость» и «Я – террорист»;
- 4) понятия «терроризм» и «борьба за справедливость» не имеют в представлении респондентов общих признаков;
- 5) имеется региональная и половая специфика отношения к терроризму.

Для изучения и выявления факторов отношения к терроризму был использован комплекс методик, включавший:

- анкету и авторский опросник «Дифференцированное отношение к точечному и диффузному терроризму»;
- модифицированную методику личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В.М. Бехтерева).
- рисуночный тест «Человек – Человек-террорист», основанный на модификации двух методик: «Рисунок человека» (в интерпретации А.Л. Венгера) и «Человек – Человек под дождем» Е.В. Романовой и Т.И. Сытько.
- контент-анализ сочинений респондентов на тему «Терроризм. Мое отношение к терроризму», «Справедливость», «Несправедливость». Для анализа представлений о борце за справедливость в ан-

кету был включен пункт: «Напишите, имя человека (имена людей), которого (ых) вы считаете Борцом (ми) за справедливость».

- «Ценностные ориентации личности» Р. Рокича;
- «Уровень субъективного контроля (УСК)» Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда;
- «Мак-шкала» (в адаптации В.В. Знакова);
- методику экспресс-диагностики уровня социальной фрустрированности (Л.И. Вассерман);
- методику экспресс-диагностики поведенческого стиля в конфликтной ситуации (А.М. Бандурка, С.И. Бочарова, Е.В. Земянская).

Математико-статистический анализ полученных данных осуществлялся при помощи программы «Статистика 6.0» и «SPSS – 17». Все полученные количественные данные обработаны методом вариационной статистики и проверены на нормальность распределения. Для проверки надежности использованных методик и согласованности пунктов в выделенных факторах рассчитывалась альфа Кронбаха. Для исследования взаимосвязей и корреляций переменных, а также выявления латентных переменных применялись факторный и корреляционный анализ.

Результаты исследования

Для исследования отношения к терроризму необходимо в первую очередь изучить ассоциации, связанные с понятием «терроризм», специфику его содержания. В результате анализа сочинений на тему «Терроризм. Мое отношение к терроризму» выявлено, что

1) наиболее часто упоминаемыми ассоциациями со словом «терроризм» являются «проблема» (31 упоминание), «невинные люди» (25 упоминаний), «убийство» (23), «жестокость» (21), «жизнь» (21), «борьба» (18) и «дети» (18) (всего написали сочинений 153 человека);

2) специфика содержания понятия «терроризм» у респондентов обусловлена регионом их проживания и особенностями отношения к терроризму:

а) студенты московских вузов чаще всего связывают терроризм с политикой, религией, экономикой и ненавистью, а студенты улан-удэнских вузов – с болью, жестокостью и страхом. Улан-удэнские студенты чаще, чем московские, при описании терроризма используют слова смерть и гибель;

б) респонденты, которые положительно относятся к терроризму, не ассоциируют его с насилием и проблемой, а террористов – с убийцами и не расценивают их действия как бесчеловечные;

3) в результате сравнительного анализа понятий «терроризм», «справедливость» и «несправедливость» обнаружено, что как терроризм, так и несправедливость ассоциируются с насилием, страданием, злом, безнравственностью и моралью. Но данные признаки находят большее отражение в понятии «терроризм». Также обнаружено, что у респондентов, положительно относящихся к терроризму, в содержание понятия «справедливость» не входят такие слова, как норма, честь и честное отношение, и они не связывают несправедливость с обманом, страданием, неправдой, предательством, выгодой, злом, эгоизмом, аморальностью.

Все выявленные ассоциации со словом «терроризм» нами объединены в три группы: «Оценка терроризма», «Объяснение терроризма» и «Последствия терроризма». В группу «Оценка терроризма» включены слова, с помощью которых респонденты оценивают явление терроризма, личность террориста и свое собственное отношение к терроризму. Оценка может быть отрицательной, неоднозначной и оправдательной. Например, отрицательная оценка терроризма проявляется в словах «проблема», «убийство» и «зло», неоднозначная (нейтральная) – «явление», «деятельность» и «метод», оправдательная – «выход» и «протест». В группу «Объяснение» объединены слова, с помощью которых респонденты объясняют, какие личностные, межличностные и общественные факторы являются причинами терроризма. В связи с этим группа подразделена на подгруппы «Личностные причины», «Межличностные причины» и «Общественные причины». В группу «Последствия» объединены слова, с помощью которых респонденты описывают, какие эмоции вызывают теракты и какие они несут последствия для людей и общества в целом. Данная группа подразделена на «Личностные», «Социальные» и «Общественные» подгруппы. Общим основанием классификации является направленность (знак): отрицательная, нейтральная и положительная. В случае с группой «Оценка» основание несколько видоизменено: нейтральную оценку изменили на неоднозначную, а положительную на оправдательную.

С помощью анкеты и методики «Дифференцированное отношение к точечному и массовому терроризму» было выявлено, что

1) 90% респондентов (из всей выборки в целом) относятся к терроризму в целом крайне отрицательно или отрицательно (70% – крайне отрицательно и 19% – отрицательно), 4% – нейтрально и 6% – положительно или во многом положительно;

2) у 60% респондентов отношение к терроризму как к явлению и к различным его видам не совпадает;

3) существует дифференцированное отношение к точечному и диффузному видам терроризма. Например, крайне отрицательно относятся к диффузному религиозному терроризму 71% респондентов, а к его точечному подвиду – 77%;

4) среди наиболее опасных видов терроризма респонденты выделяют государственный и политический, меньшую опасность представляет этнический терроризм. Среди вариантов ответов «другой» встречаются чаще всего ответ «все виды», «весь терроризм опасен»;

5) сообщение о террористическом акте вызывает больше всего сочувствие к захваченным террористами людям и тревогу. Анализ рисунков «Человек – Человек-террорист» свидетельствует, что терроризм (образ террориста) вызывает тревогу и страх.

Согласно результатам анкетирования, 30% респондентов считают террориста революционером, борцом за независимость своей родины и человеком, защищающим себя, свою землю и семью (табл. 1), что свидетельствует о неоднозначности понятий терроризм и террорист. В сочинениях «Терроризм. Мое отношение к терроризму» даются объяснения тому, почему человек становится террористом или почему террорист – это борец за справедливость. Например, причинами, подтолкнувшими человека на террор, являются психические отклонения, обиды, унижения, вина родителей, государство, экономика, несправедливость и идеология.

Таблица 1

Образ террориста

Образ	Количество	
	(чел)	(%)
Борцы за независимость своей родины	25	13.3
Люди, защищающие себя, свою землю и семью	30	16.0
Религиозные фанатики	82	43.6
Революционеры	27	14.4
Убийцы, бандиты, похитители людей	132	70.2
Кто-либо другой	35	18.6

Математический анализ данных позволил выделить факторы с высокими значениями альфы Кронбаха и использовать их для дальнейшего корреляционного анализа с целью выявления факторов, связанных с отношением к терроризму. При факторном анализе использовался метод главных компонент, тип вращения Varimax.

По-мнению И.В. Блинниковой и О.В. Сафуановой, «...факторные структуры отражают присущие испытуемым структуры категоризации, через призму которых происходит восприятие другого человека или самого себя...» (1, с. 275). Факторный анализ данных, полученных с помощью методики «Личностный дифференциал», выявил шкалы с личностными качествами, которые выполняют функции дифференциации и оценки борца за справедливость, и террориста.

Борец за справедливость оценивается и дифференцируется по параметрам «необщительность», «податливость» и «слабость». Возможно, негативная оценка личностных качеств носителя справедливости связана с отрицанием респондентов его существования (26% респондентов не ответили и 18% респондентов написали, что борцов за справедливость не существуют) и тем, что многие из них (12%) в качестве борца за справедливость называют не реального человека, а сказочного (мифического) персонажа (например, Робин Гуда, Человек-паук, Бэтмана и Супермена). Сравнение выборки, сделанной в г. Улан-Удэ, и московской выборки по критерию Манна-Уитни выявило значимые различия по фактору «Активность»: респонденты из г. Улан-Удэ оценивают борца за справедливость как более активного. Вероятно, это связано с тем, что в качестве борца за справедливость они чаще называют действующих представителей исполнительной власти (В.В. Путин, Д.А. Медведев и В.В. Наговицын (президент Республики Бурятия)). В Москве встречаются такие имена, как Г.К. Каспаров, Дж. Неру, Ф. Кастро и Супермен.

Выявлено, что идентификация человека с борцом за справедливость (сближение образов «Я» и «Борец за справедливость») связана с такими факторами, как «Податливость Я» (коэффициент корреляции Пирсона: 0,571, $p < 0,01$), «Необщительность Я» (0,319, $p < 0,01$), «Удовлетворенность материальными условиями» (0,275, $p < 0,01$), сближение образов «Борец за справедливость» и «Террорист» (0,254, $p < 0,01$), «Слабость Я» (0,193, $p < 0,01$), дифференциация образов «Я» и «Террорист» (-0,334, $p < 0,01$), «Слабость» «Борца за справедливость» (-0,219, $p < 0,01$). Эти данные можно интерпретировать следующим образом: человек с низкой самооценкой, удовлетворенный материальными условиями, не отождествляющий себя с террористом, будет идентифицировать себя с борцом за справедливость.

При оценке и дифференциации образа террориста наиболее значимыми параметрами являются «ассоциальность», «сила» и «необщительность», т.е. с помощью этих характеристик подчеркивается его сила, закрытость и ассоциальность. Дополнительный анализ выявил значимые различия по факторам «Оценка» и «Сила» у респондентов из Улан-Удэ и Москвы. Обнаружено, что респонденты из Москвы оценивают террориста как более сильного. Данный факт, возможно, связан с их реальным опытом столкновения с террористической угрозой, который влияет на предпочтение или отвержение террориста. Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что человек, у которого слиты в единые образы «Борец за справедливость» и «Террорист» и оценивающий себя как сильный, решительный, общительный, с экстернальным локусом контроля в области межличностных отношений, неудовлетворенный материальными условиями и считающий борца за справедливость сильным, но при этом не идентифицирующий себя с ним, будет считать террориста асоциальным, сильным, закрытым и идентифицировать себя с ним.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа

Факторы	Коэффициент корреляции Пирсона	Уровень значимости (p)
Интеграция образов «Борец за справедливость» и «Террорист»	0,710	$p < 0,01$
Асоциальность «Террориста»	0,469	$p < 0,01$
Сила «Террориста»	0,314	$p < 0,01$
Необщительность «Террориста»	0,260	$p < 0,01$
Необщительность «Я»	-0,377	$p < 0,01$
Слабость «Я»	-0,350	$p < 0,01$
Дифференциация образов «Я» и «Борец за справедливость»	-0,334	$p < 0,01$
Податливость «Борца за справедливость»	-0,307	$p < 0,01$
Слабость «Борца за справедливость»	-0,205	$p < 0,01$
Удовлетворенность материальными условиями	-0,177	$p < 0,05$
Шкала интернальности в области межличностных отношений: человек не чувствует себя способным вызвать уважение и симпатию других людей	-0,179	$p < 0,05$

Как отмечалось выше, сложность изучения проблемы отношения к терроризму связана с размытостью границ между представлениями о борце за справедливость и о террористе. В результате исследования было выявлено, что «Борец за справедливость» и «Террорист» будут слиты в единый образ, если человек идентифицирует себя одновременно террористом и борцом за справедливость и оценивает себя и их как сильных. Он будет считать террориста асоциальным и необщительным, а борца за справедливость и себя открытыми и общительными.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа ($p < 0,01$)

Факторы	Коэффициент корреляции
Я – Террорист	0,710
Асоциальность «Террориста»	0,510
Сила «Террориста»	0,432
Необщительность «Террориста»	0,294
Я – Борец за справедливость	0,252
Слабость «Борца за справедливость»	-0,467
Необщительность «Борца за справедливость»	-0,273
Слабость	-0,248
Необщительность «Я»	-0,206

Корреляционный анализ позволяет сделать вывод о том, что положительное отношение к государственно-политическому терроризму связано со следующими факторами:

- Слабость «Я» (коэффициент корреляции Пирсона 0,216, $p < 0,01$);
- Слабость «Борца за справедливость» (0,155, $p < 0,05$);
- Уступчивость в конфликтной ситуации» (-0,177, $p < 0,05$).

Таким образом, неуступчивый слабый человек, разочаровавшийся в борце за справедливость, будет положительно относиться к государственно-политическому терроризму.

Положительное отношение к этнорелигиозному терроризму связано с оценкой борца за справедливость как слабого (коэффициент корреляции Пирсона 0,159, $p < 0,05$).

Выявлено, что респонденты, положительно относящиеся к терроризму, отвергают такие ценности, как любовь, общественное признание (уважение окружающих, коллектива товарищей по работе), красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве), высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания); непримиримость к недостаткам в себе и в других. Высокую значимость для них имеет ценность: счастливая семейная жизнь.

Выводы

1) отношение к терроризму в целом как к явлению отличается от отношения к конкретным видам терроризма (а именно к точечному и диффузному подвидам государственного, политического, социального, этнического, религиозного терроризма);

2) содержание представлений «терроризм», «справедливость», «несправедливость» зависят от особенностей (модальности) отношения к терроризму и региона проживания респондентов;

3) выявленные ассоциации со словом «терроризм» классифицированы в три группы: «Оценка терроризма», «Объяснение терроризма» и «Последствия терроризма»;

4) дистанция между образами «Я» и «Борец за справедливость» и «Я» и «Террорист» – идентификация человека либо с борцом за справедливость, либо с террористом зависит от особенностей самооценки, оценки борца за справедливость и террориста, размера дистанции между образами «Борец за справедливость» и «Террорист». Сходство или различие этих образов связано с удовлетворенностью материальными условиями. Экстернал в области межличностных отношений будет идентифицировать себя с террористом;

5) образы террориста и борца за справедливость могут быть слиты в единый образ, возможно, именно это влияет на двойственность оценок терроризма;

6) отношение к терроризму зависит от социально-психологических факторов, оказывающих разное влияние на различные виды терроризма: отношение социально-политическому терроризму связано с особенностями самооценки и оценки борца за справедливость, стиля поведения в конфликте; отношение к религиозно-этническому терроризму зависит от оценки борца за справедливость как сильного или слабого;

7) положительное отношение к терроризму связано с отвержением таких ценностей самоутверждения, как высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других, а также любви, общественного признания и красоты природы и искусства. Высокую значимость для них имеет ценность «счастливая семейная жизнь».

Литература

1. Блиникова И.В., Сафуанова О.В. Психосемантика и процессы семантической обработки // Психология XXI века / под ред. Н.В. Дружинина. – М., 2003.
2. Макуев Р.Х. Терроризм в условиях глобализации // Государство и право. – 2007. – №3. – С.43-49.
3. Ольшанский Д.В. Психология террора. – Екатеринбург; М., 2002.
4. Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. – М., 2008.
5. Юревич А.В. Психология революций. – М., 2007.

Батуева Евгения Батуевна – аспирант Института психологии Российской академии наук (г. Москва). E-mail: batuevarvgenia81@rambler.ru

Batueva Evgeniya Batuevna – post-graduate of Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: batuevarvgenia81@rambler.ru